
НИЦШЕ И ДОСТОЕВСКІЙ ¹⁾

(Черты изъ нравственнаго міровоззрѣнія того и другого).

Все невѣрно, все позволительно (Ницше. Такъ говорилъ Заратустра, с. 278). Все позволено, все можно дѣлать (Достоевскій. Братья Карамазовы, ч. II, стр. 697).

I.

Въ настоящее время Ницше среди русской интеллигентной, читающей публики пользуется не только довольно широкой извѣстностью, но и популярностью, создавъ за собой имя „чародѣя мысли“, современнаго „кумира литературныхъ салоновъ“ ²⁾, сказавшаго міру новое слово и открывшаго ему новые горизонты. За послѣднее время идеи и идеалы Ницше настолько сильно проникли въ общество, что создали даже цѣлое философское направленіе, отзвуки котораго можно встрѣтить теперь и въ нашей современной беллетристикѣ, такъ или иначе отзывающейся на затрагиваемые имъ жгучіе вопросы. Укажемъ, напр., на нашего мѣстнаго писателя Боборыкина, который отмѣчаетъ въ своихъ произведеніяхъ (напр. въ романѣ „Жестокіе“) новыя вѣянія ницшеанства среди русскаго общества, и въ особенности на популярнѣйшаго въ настоящее время писателя—М. Горькаго, многіе литературные типы котораго имѣютъ совершенно ницшеанскую окраску ³⁾.

¹⁾ Публичное чтеніе.

²⁾ Гарле. Ницшеанство и его отношенія къ политическимъ и социальнымъ теоріямъ европейскаго общества (Вѣстн. Евр. 1091 г., авт., стр. 731).

³⁾ „Вѣстникъ Европы“, ноябрь, 1901 г. Максимъ Горькій и его рассказы. Е. Ляцкій.

Что же увлекает современнаго интеллигента въ Ницше? Можетъ быть, своей философiей онъ даетъ разрѣшеніе если не всего, то многого изъ того, что волнуетъ и мучитъ человѣка? Нѣтъ. Ницше ничего не разрѣшилъ, ничего не устранилъ, но стремился ниспровергнуть все то, чѣмъ жилъ доселѣ человѣкъ, чѣмъ онъ дорожилъ, какъ святыней, предъ чѣмъ благоговѣлъ и чему поклонялся. Ницше задался непосильной для человѣка цѣлю „переоцѣнить всѣ современныя ему нравственныя цѣнности“, опредѣлить ихъ по достоинству и вавѣситъ ихъ нравственную цѣну. Для выполненія этой работы, онъ отрѣшился отъ окружающей его духовной (морально-интеллектуальной) атмосферы, поставилъ себя „на высоту горныхъ вершинъ“ и оттуда, съ этихъ недоступныхъ никакому стороннему воздействию „высотъ“, находящихся „по ту сторону добра и зла“, онъ началъ разсматривать всѣ нравственные, религіозныя, социальныя и др. устои человѣчества, признавъ ихъ въ концѣ концовъ ложью, обманомъ и плодомъ извращенія человѣческой природы. Вотъ этотъ-то подъемъ его мысли, какая-то нечеловѣческая ея дерзость, головокружительный полетъ ея и не знающій удержу и границъ ея размахъ — и приковываютъ болѣе всего вниманіе современнаго интеллигента къ этому дерзкому искателю истины, давшему „новыя проблемы“ и „до ужаса расширившему свой психологическій горизонтъ“ ¹⁾. Но есть немало и такихъ людей, которые не только теоретически увлекаются его нравственными выводами, (которыми онъ, какъ бомбами, желалъ бы взорвать на воздухъ всю нашу современную цивилизацію), но не прочь были бы провести его разрушительные принципы и въ жизнь, и нѣкоторые изъ обзорѣвателей философіи Ницше не безъ основанія полагаютъ, что этотъ нѣмецкій философъ, не скрывавшій своего преклоненія предъ геніемъ и деспотизмомъ Бисмарка ²⁾, вдохновлялъ въ Германіи развитіе грубаго милитаризма, плодомъ котораго было недавнее, наприм., отправленіе въ китай нѣмецкихъ солдатъ съ приказомъ никому не давать пощады ³⁾. Впрочемъ, насколько велика опасность

¹⁾ Русское Богатство, 1901 г., мартъ. Переписка Ницше, стр. 104.

²⁾ Тамъ же, стр. 78. О томъ же см. М. Нордау. Вырожденіе, стр. 379.

³⁾ Ницшеанство и его отношенія къ политическимъ и социальнымъ теоріямъ европейскаго общ. Е. Тарле (Вѣстн. Евр. 1901 г., авг., стр. 730—732).

для всего нашего духовнаго и общественнаго уклада отъ практическаго примѣненія воззрѣній Ницше покажетъ будущее, въ настоящее же время Ницше является пока только болѣе „моднымъ“ и „оригинальнымъ“ философомъ, привлекающимъ къ себѣ вниманіе крайней необычайностью и смѣлой парадоксальностью своихъ построеній. При этомъ нужно сказать и то, что духовная физіономія Ницше пока далеко не выяснена и представляетъ „одну изъ тѣхъ очень немногихъ загадочныхъ личностей, предъ которыми съ недоумѣніемъ и смущеніемъ останавливается судящій: „благословить его не смѣю и не могу его проклясть“¹⁾. Намъ, пожалуй, скажутъ, что онъ ни того, кромѣ проклятія, и не заслуживаетъ, такъ-какъ едва ли кто болѣе его богохульствовалъ и предавалъ безстыдному заплеванію все самое дорогое и святое для человѣчества, но говорящій это совсѣмъ опускаетъ изъ вниманія то, что, будучи, дѣйствительно, удивительно дерзкимъ разбойникомъ мысли и пера и доходя подчасъ въ своихъ сужденіяхъ до предѣловъ положительно какого-то неистовства, онъ былъ, по отзывамъ современниковъ, „внутренно чистымъ, благороднымъ, самоотверженнымъ, глубоко нравственнымъ“²⁾, хотя и очень гордымъ человѣкомъ, глубочайшее несчастіе котораго состояло въ томъ, что онъ никакъ не могъ примириться съ тѣмъ религіозно-нравственнымъ укладомъ, съ которымъ сжился человѣкъ. Для него всѣ люди ни болѣе, ни менѣе, какъ „обманутые обманщики“³⁾, которые воспитались на лжи и ту же ложь передаютъ по наслѣдству слѣдующимъ за собой поколѣніямъ. И вотъ Ницше, не столько понявъ, сколько почувствовавъ этотъ круговой обманъ, не захотѣлъ быть въ ряду этихъ обманутыхъ обманщиковъ и . . . бросилъ смѣлый вызовъ всему человѣчеству: онъ предалъ проклятію всѣ его „цѣнности“ и, увлекаемый „зрѣлищемъ новыхъ утреннихъ зорь“⁴⁾, рѣшилъ вести въ это царство свѣта и правды и

¹⁾ Ницшеанство. Герасимовъ, стр. 5.

²⁾ Герасимовъ, Ницшеанство, стр. 12. Но особенно это подтверждаетъ переписка Ницше (Русск. Бог., 1901 г., мартъ). О гордости Ницше см. ниже.

³⁾ Г. Брандесъ. Ф. Ницше. Аристократическій радикализмъ, стр. 146 (Рус. Мысль, 1900 г.)

⁴⁾ Тамъ же.

своихъ поспѣдователей. Но не легко ему было освободить себя отъ того, что человѣкъ успѣлъ, по его словамъ, „подобно верблюду навьючить на себя“¹⁾, нелегко было отказаться отъ ненужныхъ, но привычныхъ „цѣпей“, отъ всѣхъ „тяжелыхъ словъ и цѣнностей“²⁾; съ сердечной болью и мукой бросаль онъ въ грязь свои прежніе кумиры, и когда мы въ ужасѣ слышимъ лязгъ разбиваемыхъ имъ кумировъ, скорбное и судорожное біеніе не одного только сердца слышится намъ, но въ наступившей зловѣщей тишинѣ чудится чей-то тихій, будто безумный плачъ... Этотъ несчастнѣйшій мученикъ истины, всего болѣе любившій ее и все въ жертву принесшій ей, испытываетъ къ ней какую-то болѣзненную, ему одному понятную страсть. „Я боюсь, говорить онъ, когда ты въ близи, я люблю тебя отдаленною; твое бѣгство манитъ меня, твое исканіе останавливаетъ меня,—страдаю я; но чего бы и не претерпѣлъ ради тебя!...“ И она, эта его возлюбленная, мнится, приходитъ къ нему, сама страдающая, со слезами въ очахъ: „Смѣйся, смѣйся, бѣдный человѣкъ. Это все, что еще остается для тебя. Смѣйся надъ своими мечтами, надъ всѣмъ, что любило твое сердце, — и надъ собой“³⁾... И смѣется бѣдный философъ, чувствующій себя, какъ въ пустынѣ, одинокимъ и никѣмъ непонятымъ, съ глазъ на глазъ съ такъ любимой имъ истиной, но и та не всегда глядится въ его душу, но является ему только въ рѣдкихъ и мимолетныхъ мельканіяхъ, и эта мгновенность ея видѣній, купленныхъ такими мучительными думами, порождаетъ тоску по ней въ душѣ философа, влюбленнаго безраздѣльно въ свою безстрастную, гордую и далекую красавицу⁴⁾. Смѣется философъ, и сдавленные рыданія слышатся въ этомъ истерическомъ смѣхѣ, въ которомъ напрасно онъ стремится заглушить немолкнущее горе души. Но онъ не можетъ не идти туда, куда его влечетъ истина, хотя и знаетъ, что „искать истину не значить искать счастья“⁵⁾. „Я странникъ, я горный скиталецъ“, потому что „слишкомъ, слишкомъ многое прояснилось для меня и — уже не ка-

1) Такъ говорилъ Заратустра, стр. 203.

2) Такъ говорилъ Заратустра, стр. 203.

3) Герасимовъ. Ницшеанство, стр. 51.

4) Тамъ же. стр. 32.

5) Герасимовъ, стр. 31.

сается меня; я не чувствую болѣе съ вами“, говоритъ онъ ¹⁾. Ницше ясно сознаетъ, что съ его судьбой связано что-то роковое, властно управляющее ей. „Я знаю, кто я: ненасытный, какъ пламя, я горю и сгораю самъ; свѣтомъ становится все, что я охватываю, и углемъ все, что я оставляю,—вѣрно: я пламя ²⁾).

Изъ этой исповѣди его сердца мы видимъ, что онъ былъ за человѣкъ, и не слѣдуетъ ли намъ его скорѣе жалѣть, чѣмъ проклинать за больной иногда бредъ его души. Впрочемъ, обратимся къ раскрытію его нравственнаго ученія, которое однихъ приводитъ въ восторгъ, но громадное большинство повергаетъ въ смущеніе и негодованіе.

Ницше смотритъ на природу человѣка близко къ Дарвиновскому представленію человѣка простымъ животнымъ, который подчиняется всѣмъ законамъ животнаго царства. Дарвинъ, какъ извѣстно, однимъ изъ главныхъ факторовъ міровой эволюціи ставитъ борьбу за существованіе. Этотъ же факторъ въ его принципѣ, хотя нѣсколько и въ видоизмѣненной формѣ ³⁾, признаетъ и Ницше, видя во взаимоотношеніяхъ людей начало борьбы, соревнованія, какъ руководящее правило всей человѣческой жизнедѣятельности. „Жизнь, по самой своей сущности, есть присвоеніе себѣ чужого, оскорбленіе другого, завладѣніе тѣмъ, что намъ не принадлежитъ и что слабѣе насъ, притѣсненіе, безжалостное отношеніе, насильственное введеніе своихъ собственныхъ формъ, присоединеніе къ себѣ и, по меньшей мѣрѣ, выражаясь очень мягко, вымогательство“, говоритъ онъ въ своемъ сочиненіи: „По ту сторону добра и зла“ (стр. 261). Признавъ же законнымъ и нормальнымъ торжество этого грубаго принципа, Ницше чисто логически долженъ былъ признать и основу его—чувство себялюбія, эгоизмъ. И, дѣйствительно, нѣмецкій философъ съ полной послѣдовательностью ставитъ его основнымъ стимуломъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій и при этомъ нисколько не бичуетъ это чисто животное, грубое и неблагородное чувство, но, напротивъ, поетъ ему панегирикъ,

1) Тамъ же, стр. 28.

2) Тамъ же, стр. 31.

3) Брандесъ. Аристократическій радикализмъ, стр. 145 (Рус. М., дек. 1900 г.).

считая его „достояніемъ благородной души“. „Человѣку приходитъ конецъ, когда онъ становится альтруистомъ; если ему перестаетъ хватать эгоизма, тогда ему не хватаетъ самаго лучшаго“, утверждаетъ Ницше ¹⁾. Давъ торжество проявленіямъ этого чувства, человѣкъ долженъ и въ другихъ отношеніяхъ слѣдовать требованіямъ своей животной природы, подчиняющейся инстинктамъ. Этимъ инстинктамъ обязательно долженъ дать волю и „нормальный“ человѣкъ. „Обязанность побѣждать инстинкты гласятъ лишь формулы упадка; тогда какъ жизнь прогрессируетъ, счастье всегда согласно инстинктамъ“ ²⁾, говоритъ Ницше. Но это, если можно такъ выразиться, „озвѣреніе“ человѣка, развивающаго въ себѣ грубыя животныя наклонности, служить въ свою очередь средствомъ для проведенія въ жизни самаго главнаго принципа—желанія власти и могущества.

Здѣсь находится кульминаціонный пунктъ ученія Ницше, замѣнившаго принципъ своего учителя - философа Шопенгауэра—„воля къ жизни“—выраженіемъ—„воля къ власти“. По мнѣнію Ницше, если въ мѣрѣ за что ведется грандіознѣйшая борьба, такъ именно за власть. „Сама по себѣ жизнь хочетъ не только самосохраненія, но и самоувеличенія, и въ этомъ смыслѣ есть именно воля къ власти“ ³⁾. „Гдѣ находилъ я жизнь, тамъ я находилъ жажду власти; и даже въ покорности слуги находилъ я желаніе быть господиномъ“ ⁴⁾, говоритъ Ницше словами Заратустры. Но не всѣ люди могутъ стремиться и добиваться власти, такъ-какъ должны существовать и тѣ, надъ кѣмъ эта власть проявлялась бы. Этой средой, удѣлъ которой—подчиненіе, служить толпа, народъ; изъ него выходятъ избранныя натуры, удѣлъ которыхъ властвовать, повелѣвать. Эти исключительныя личности, которымъ Ницше присвоиваетъ названіе „сверхчеловѣка“, возвышаясь надъ уровнемъ простой толпы, должны руководить человѣчествомъ, вести его по пути культуры, прогресса. „Всякое созданіе новой культуры совершается сильными, передовыми натурами, толпа же повсюду подчиня-

1) Помраченіе кумировъ, стр. 101.

2) Помраченіе кумировъ, стр. 17.

3) Брандесъ, стр. 146. По ту сторону.. стр. 63.

4) Такъ говорилъ Заратустра, стр. 118.

лась ихъ вліянію“¹⁾, утверждаетъ Ницше. И теперь „человѣческое общество есть ничто иное, какъ попытка, долгое исканіе: оно ищетъ своего поведителя“²⁾. Да въ сущности, и все въ жизни существуетъ ради этихъ избранниковъ, ради торжества высшаго генія, такъ-какъ самая „цѣль культуры состоитъ въ томъ, чтобы способствовать появленію истинныхъ людей“, и самое человѣчество должно „стремиться лишь къ созданію высшихъ типовъ, чтобы потомъ имъ повиноваться“³⁾. Эта высшая „аристократія должна вѣрить, что общество существуетъ не для общества, но что оно — не болѣе, какъ фундаментъ и подмостки, на которыхъ высоко стоятъ избранныя существа, стремящіеся къ своей высшей задачѣ, а главнымъ образомъ къ высшему бытію: они похожи на тянущіеся къ солнцу ползучія растенія, которыя, обвивая своими стеблями, какъ частыми кольцами, стволъ дуба, поползаютъ наконецъ до его вершины, поднимаются выше ея и, опираясь всетаки на дубъ, развертываютъ на просторѣ свой вѣнецъ и выставляютъ наконецъ всѣмъ свое счастье“⁴⁾. Но если эти великіе люди — сверхчеловѣки — составляютъ украшеніе цивилизаціи, и даже весь смыслъ человѣческаго существованія состоитъ въ нихъ однихъ⁵⁾, то за то и весь міръ существуетъ только для нихъ—и самая жизнь и все земное счастье. Въ этихъ сверхчеловѣкахъ Ницше видитъ идеаль человѣческаго типа, воплощающаго въ себѣ въ высшей мѣрѣ всѣ качества не то человѣка — звѣря, не то какого-то демона, такъ поэтически—красиво воспѣтаго нашимъ поэтомъ Лермонтовымъ. Всматриваясь въ психологію Ницшевскаго сверхчеловѣка, положительно начинаешь думать, ужъ не одинъ ли и тотъ же образъ вдохновлялъ философа и нашего поэта, въ мечтахъ котораго онъ являлся, „какъ царь вѣмой и гордый“, сіявшій „волшебной-сладкой красотой“. Ницшевскій сверхчеловѣкъ проникнуть какою-то нечеловѣческой, а дьявольскою гордостью и неизмѣримымъ высокомеріемъ; онъ презираетъ окружающую его толпу и ведетъ одинокую, замкнутую въ себѣ жизнь. „Ты—царь: живи

1) Проф. А. Риль. Ф. Ницше, какъ художникъ и мыслитель стр. 83.

2) Тамъ же, стр. 83.

3) Тамъ же, стр. 84.

4) По ту сторону добра и зла, стр. 260.

5) Такъ говоритъ Заратустра, стр. 16.

одинъ. Дорогою свободной иди, куда влечетъ тебя свободный умъ“, напутствовалъ Пушкинъ непонимаемаго толпою народной поэта ¹⁾. Такія же напутствія даетъ и Ницше своему сверхчеловѣку, который, развивая въ себѣ сознаніе собственнаго достоинства, долженъ „презирать любовь къ ближнему“ ²⁾ и относиться къ окружающимъ людямъ съ чувствомъ неограниченнаго эгоизма, помня, что „обязанности существуютъ только по отношенію къ равнымъ“ и поэтому съ „неравными“ позволительно поступать такъ, какъ заблагоразсудится, „откидывая прочь всѣ благожелательныя чувства, какъ состраданіе, благодарность и проч. ³⁾. Отсюда уже одинъ шагъ до отрицанія всякихъ нравственныхъ требованій и обязанностей, до полнаго нравственнаго безразличія. И, дѣйствительно, Ницше, снимая съ сверхчеловѣка всѣ „нравственныя цѣпи“, узаконяетъ для него безнравственнѣйшій принципъ: „все позволительно“ ⁴⁾. Въ рукахъ съ этимъ девизомъ для сверхчеловѣка уже не остается никакихъ ограниченій, такъ что, въ интересахъ своего торжества, онъ можетъ дозволить себѣ все, что угодно, не исключая и жестокости. Послѣдняя же прямо необходима по отношенію къ лицамъ „слабымъ и неудачнымъ“ ⁵⁾, для которыхъ Ницше придумалъ безощадный афоризмъ: „падающаго толкни и добей его“ ⁶⁾. Дальше этого идти уже, кажется, некуда.

Изъ данной характеристики Ницшевскаго сверхчеловѣка видно, что послѣдній есть въ сущности представитель силы зла, къ которому онъ чувствуетъ особенное влеченіе. Но въ этомъ его влеченіи Ницше не видитъ ничего дурнаго, а, напротивъ, современное „добро“ ему кажется чѣмъ-то дурнымъ. „Зло есть лучшая сила человѣка. Человѣкъ долженъ стать и лучше и злѣе, такъ учу я. Злѣйшее нужно для лучшаго сверхчеловѣка. Я радуюсь великому грѣху, какъ своему величайшему утѣшителю“ ⁷⁾, говоритъ онъ. Чтобы

1) А. С. Пушкинъ, Стих. „Поэту“.

2) Помраченіе кумировъ, стр. 107.

3) По ту сторону... стр. 266.

4) Такъ говорилъ Заратустра, стр. 278.

5) Происхожденіе трагедіи. Объ Антихристѣ, стр. 271.

6) Переписка Ницше, стр. 83 и др.

7) Такъ говорилъ Заратустра, стр. 294.

показать на примѣрѣ, каковъ по существу долженъ быть сверхчеловѣкъ, Ницше указываетъ на Цезаря Борджиа и Наполеона. Съ именемъ перваго въ исторіи соединяется представленіе о гнуснѣйшемъ злодѣѣ, который 22 лѣтъ отъ роду убилъ родного брата съ цѣлью грабежа, изнасиловалъ родную сестру, обманнымъ образомъ убилъ политическаго соперника, зарѣзалъ черезъ посредство наемныхъ убійцъ нѣсколькихъ дѣтей и, наконецъ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, папою Александромъ VI, устраивалъ въ папскомъ дворцѣ такія оргіи, отъ которыхъ приходили въ ужасъ даже итальянцы того времени ¹⁾. Не смотря на это или же, правильнѣе будетъ сказать, благодаря такому исключительному соединенію въ одномъ лицѣ самыхъ ужасныхъ преступленій, Ницше возводитъ его въ образецъ для своихъ послѣдователей, называя его „классическимъ, страшнымъ и вмѣстѣ полнымъ блеска идеаломъ“ ²⁾. Что же касается Наполеона, приносившаго въ жертву своей жаждѣ власти тысячи жизней, то его Ницше величаетъ „воплощеніемъ проблемы высшаго идеала, хотя онъ и представляетъ собой „синтезъ безчеловѣчности и сверхчеловѣчности“ ³⁾. Зло, творимое ими, нашего философа ничуть не смущаетъ, такъ-какъ „типъ преступника—это типъ сильнаго человѣка“ ⁴⁾.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Ницше раздѣляетъ человѣчество на двѣ весьма неравныя половины — на сверхчеловѣковъ, представляющихъ по числу самую незначительную величину (по вычисленію Ницше человѣкъ шесть—семь) ⁵⁾, и простую чернь, толпу; ставя ту и другую половину въ особыя условія существованія, нѣмецкій философъ узаконяетъ для нихъ и двѣ отдѣльныя морали — господскую и рабскую. Первая, составляя принадлежность высшихъ натуръ, отличается полной свободой отъ всякихъ нравственныхъ предписаній и имѣетъ въ своей основѣ вышеуказанный принципъ: „все невѣрно, все позволительно“, узаконяя этимъ эгоизмъ, жестокость и проч.; вторая же вы-

¹⁾ Е. Тарле. Ницшеанство... (Вѣстн. Евр. 1901 г., стр. 729).

²⁾ Л. Штейнъ. Ф. Ницше и его философія (Міръ Божій, 1898 г., ноябрь, стр. 70—71).

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Помраченіе кумировъ, стр. 119.

⁵⁾ Риль. Ф. Ницше, какъ художникъ и мыслитель, стр. 84.

ставляет и ярко освѣщаетъ такія свойства, которыя способствуютъ тому, чтобы облегчить страдальцу его земное бытіе; сюда относятся состраданіе, умѣнье помогать охотно и скоро, горячее сердце, терпѣніе, прилежаніе, смиреніе, уваженіе, соединенное съ любовью, — потому что это самыя необходимыя качества и единственное средство для того, чтобы выдержать гнетъ земнаго существованія. Рабская мораль—это собственно утилитарная мораль; въ ней-то именно и произошло всѣмъ извѣстное раздѣленіе добра и зла“¹⁾.

Такимъ образомъ, рассматривая съ нашей точки зрѣнія оба вида морали, мы видимъ, что первая есть выраженіе зла, а вторая добра, но Ницше утверждаетъ, что наша современная точка зрѣнія безусловно ошибочна и представляетъ собой результатъ полнаго извращенія понятій, такъ какъ человѣкъ въ настоящее время усматриваетъ зло и добро не тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Нравственныя нормы устанавливались въ отдаленномъ прошломъ отъ настоящаго времени, когда люди жили ближе къ природѣ и вели между собою отчаянную борьбу. Самой знатной кастой была вначалѣ каста дикихъ, жаждущихъ добычи и побѣды варваровъ, которая держала въ подчиненіи слабыя и невинственныя расы, которыя должны были по неволѣ покоряться „великолѣпнымъ бѣлокураымъ бестіямъ“²⁾. Вотъ тогда-то и было установлено различіе между „хорошимъ“ и „дурнымъ“, причемъ первое обозначало „все то, что укрѣпляетъ сознание силы, желаніе силы и самую силу въ человѣкѣ“, а второе обозначало „все, что вытекаетъ изъ слабости“³⁾. Еслибы мораль господъ сохранилась и до сихъ поръ, то классъ властелиновъ достигъ бы высшей силы и могущества; въ мірѣ безраздѣльно торжествовалъ бы сверхчеловѣкъ, а вѣдь въ этомъ, какъ мы выше говорили, и состоитъ по Ницше цѣль и смыслъ жизни и культуры. Но, къ несчастію для человѣчества, оно оставило свой прежній историческій путь, пошло новой дорогой, и мораль господъ должна была уступить мѣсто морали рабовъ. Изъ философіи Платона и ученія евреевъ вышло христіанство, и оно извратило и нис-

¹⁾ По ту сторону добра и зла, стр. 267—8.

²⁾ Л. Штейнъ (М. Вож. окт., стр. 61).

³⁾ Происхожденіе трагедіи. Объ антихристѣ, стр. 270.

провергло всё прежнія нравственныя понятія: признало господскую мораль зломъ, а мораль рабовъ добромъ и насадило среди людей послѣднюю вмѣсто первой, возвысивъ принципъ альтруизма, любви надъ принципомъ эгоизма и своекорыстія. Господская мораль доживала свои послѣднія дни среди жизнерадостныхъ, страстно преданныхъ веселью и наслажденіямъ обитателей Эллады и вскорѣ должна была уступить мѣсто рабской морали, идеаль которой составлялъ аскетизмъ. Результаты такой побѣды одной морали надъ другой были крайне печальны: „христіанство образовало въ человѣческой природѣ трещину, которой не зналъ народъ гармоніи“ ¹⁾, и человѣчество начало мельчать и вырождаться, и чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе идетъ книзу и книзу. Для сверхчеловѣка почти не оказывается теперь мѣста, и если продолжится такъ далѣе, то человѣчеству грозитъ въ будущемъ полное физическое и духовное вырожденіе.

Отсюда становится понятнымъ, почему Ницше такъ ненавидитъ христіанство. Называя себя дерзко антихристомъ, онъ со всей силой своей злобы обрушивается на него за то, въ чемъ мы усматриваемъ его недосыгаемую высоту. Называя христіанство „метафизикой палача“ и „динамитомъ“ ²⁾, онъ утверждаетъ, что „оно было до сихъ поръ величайшимъ несчастіемъ для человѣчества“ ³⁾, и что „проживи Христъ дальше, Онъ Самъ отъ Себя отрекся бы“ ⁴⁾. Несчастіе же, которое принесло христіанство, состояло въ томъ, что оно измѣнило характеръ человѣческой культуры, поставило человѣка на ложный, погибельный для него путь, начавъ проповѣдывать, вмѣсто раздѣленія, единеніе, братство между людьми, вмѣсто эгоизма служеніе общему благу, вмѣсто своекорыстія чувство благодарности и пр. Въ громадную вину ставить Ницше христіанству его проповѣдь всеобщаго равенства людей предъ Богомъ и демократическія тенденціи. „Демократическое движеніе представляетъ наслѣдіе христіанства“ ⁵⁾, говоритъ Ницше, и это онъ, проповѣд-

1) Переписка Ницше, стр. 80.

2) Риль, стр. 143.

3) Л. Штейнъ (М. Божій, сент., стр. 69).

4) Г. Тарле, стр. 727.

5) Риль, стр. 118—119.

никъ „аристократическаго радикализма“, никакъ не можетъ простить ему.

Подводя итоги всему сказанному, мы видимъ, что Ницше полагалъ въ сущности „смыслъ жизни въ ея эстетической сторонѣ, въ томъ, что сильно, величественно, красиво. Отдаться этой сторонѣ жизни, охранять и укрѣплять ее въ себѣ и внѣ себя; доставлять ей преобладаніе и развивать дальше до созданія сверхчеловѣческаго величія и новой чистѣйшей красоты — вотъ задача и смыслъ нашего существованія“ ¹⁾). Такимъ образомъ, полагая въ основу жизни принципъ красоты, Ницше отвергъ нравственный и религіозный идеалъ человѣка, признающаго смыслъ жизни въ гармоническомъ развитіи своей личности, въ религіозно-нравственномъ усовершенствованіи, приближающемъ насъ къ высшему идеалу совершенства—Богу. Ницше отрицалъ личное существованіе Бога и былъ въ полномъ смыслѣ атеистомъ, но къ чести его нужно признать, что такая „опустошенность души“ страшно его мучила. Кажется, изъ всѣхъ разбитыхъ имъ кумировъ ни одинъ такъ какъ онъ не оплакивалъ кумиръ религіозный. Утративъ вѣру въ Бога, онъ страстно стремился къ потерянному имъ высшему идеалу и не переставалъ испытывать безумную любовь къ непонятому Богу. Мы слышимъ положительно плачь въ этихъ его словахъ: „Возвратись, со всѣми твоими старыми мученіями, возвратись! Мои слезы текутъ къ тебѣ. И мое послѣднее сердечное пламя—оно для тебя, только для тебя горитъ еще. О, возвратись, мой невѣдомый Богъ, моя скорбь, мое послѣднее счастье“... ²⁾ Какъ глубоко Ницше сознавалъ, что значить потерять или, какъ онъ фигурально выражался, „похоронить“ Бога, видно изъ его замѣчательной повѣсти о безумцѣ, ищущемъ Бога. „Вы слышали, говоритъ онъ, о томъ безумцѣ, который зажегъ фонарь въ свѣтлый полдень, выбѣжалъ на площадь и кричалъ: „Бога я ищу, Бога!“... Всѣ смѣялись... Но безумецъ все бѣжалъ въ толпѣ и, пронызывая всѣхъ взглядомъ, кричалъ: „Гдѣ Богъ?.. Сказать ли?... Мы его убили,—и вы, и я... Мы всѣ убійцы... Но какъ могли мы это сдѣлать? Какъ могли мы выпить море? Кто

1) В. Соловьевъ. Оправданіе добра, стр. 5—6.

2) Герасимовъ. Ницшеанство, стр. 44.

дать намъ эту губку стереть краску со всего горизонта?.. Куда мы идемъ?.. Есть ли еще верхъ и низъ? Не блуждаемъ ли мы въ безконечномъ ничто? Не дышитъ ли въ насъ пустое пространство? Не стало ли холоднѣе? Не наступаетъ ли болѣе и болѣе темная ночь?.. Развѣ не слышится шумъ могильщиковъ, погребаящихъ Бога?... Богъ умеръ! Богъ не воскреснетъ!.. И мы его убили! Чѣмъ мы утѣшимся, убійцы изъ убійць?.. Самое святое существо, которое только было въ мірѣ, истекло кровью подъ нашими ножами!.. Кто смодетъ съ насъ эту кровь? 1)...

II.

Мы не будемъ дѣлать разборъ раскрытыхъ нами нравственныхъ возрѣній Ницше, хотя они и даютъ очень благодарный матеріаль для критики. Мы постараемся дать общую оцѣнку ихъ на основаніи нравственныхъ выводовъ нашего знаменитаго писателя, психолога и философа Ф. М. Достоевскаго, въ твореніяхъ котораго наблюдается поразительное предвосхищеніе Ницшеанскихъ идей, излагаемыхъ имъ иногда чуть не до буквальности близко къ раскрытымъ сейчасъ возрѣніямъ Ницше. Объясняется это не тѣмъ, будто Достоевскій былъ знакомъ съ нравственной философіей Ницше и утилизировалъ ее въ своихъ сочиненіяхъ. Нѣтъ. Великій духъ Достоевскаго ранѣе нѣмецкаго философа уловилъ главныя особенности нарождающагося міровозрѣнія, раскрывая въ своихъ произведеніяхъ своеобразныя вѣянія своего времени, отзвуки какого-то броженія мысли, характерныя симптомы новой нравственной болѣзни вѣка. Вообще, нельзя, вѣдь, думать, что Ницшеанскія мотивы въ философской мысли послышались впервые въ бурныхъ изліяніяхъ Заратустры, такъ-какъ и самъ Ницше былъ, съ одной стороны, ученикомъ и послѣдователемъ Шопенгауэра, а, съ другой, могъ заимствовать нѣкоторыя взгляды у другихъ мыслителей, какъ, напр., у Руссо, Ренана, читая котораго мы слышимъ иногда какъ будто самого Ницше 2). Вполнѣ естественно поэтому, что Ницшеанскія идеи ранѣе самого Ницше приходили на умъ нашему рома-

1) Герасимовъ. Ницшеанство (слова Заратустры), стр. 139—140.

2) Русск. Мысль, ноябрь, стр. 138. Г. Брандесъ. Аристокр. радикализмъ

нисту, отличавшемуся особенной чуткостью, граничащей чуть не съ прозорливостью. Эта черта Достоевскаго въ свое время обратила вниманіе на себя самого Ницше, читавшаго произведенія его и пришедшаго отъ нихъ въ восторгъ. Въ 1873 году Ницше писалъ своему другу Брандесу: „Я теперь читаю русскихъ писателей, особенно Достоевскаго. Цѣлыя ночи сижу надъ нимъ и упиваюсь глубиной его мыслей. Если отъ кого можно еще ожидать новаго слова, то это еще отъ юной Россіи“ ¹⁾. Позднѣе его увлеченіе Достоевскимъ не ослабѣваетъ. Поражаясь глубиной его психологическаго анализа, онъ судить о немъ, какъ объ идеалѣ литератора, называя его „единственнымъ психологомъ, у котораго было чему научиться“ ²⁾. И такое преклоненіе Ницше предъ нашимъ романистомъ тѣмъ замѣчательнѣе, что онъ (Ницше) до циничности грубо отрицаетъ всякіе авторитеты, пренебрежительно называя, напр., мудреца Сократа „гороховымъ шутомъ“, философа Канта „дикимъ психопатомъ и великимъ китайскимъ мудрецомъ изъ Кенисберга“, Дарвина „посредственнымъ умомъ“ и проч. ³⁾. Но это преклоненіе Ницше предъ Достоевскимъ оказывается еще болѣе удивительнымъ, когда мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что, развивая или, правильнѣе сказать, намѣчая въ своихъ произведеніяхъ Ницшеанскія идеи, Достоевскій въ концѣ концовъ развѣнчиваетъ ихъ, раскрываетъ ихъ несостоятельность и сводитъ ихъ къ абсурду; такъ-что, ставя въ параллель того и другого мыслителя, приходится разсматривать ихъ, какъ двѣ діаметральныя противоположности одного другому ⁴⁾.

Особенно рельефно Ницшеанскія воззрѣнія проводятся До-

¹⁾ Славянскій Вѣкъ, Вѣна, № 2. Достоевскій и славянство. Д. Вергунъ стр. 225.

²⁾ Помраченіе кумировъ, стр. 120; Н. Михайловскій. Литерат. и жизнь (Рус. Бог. 1894, № 11, стр. 116)

³⁾ Л. Штейнъ, Ср. Ницше и его философія (М. Бож. 1898 г., сент. стр. 69).

⁴⁾ Извѣстный публицистъ Н. Михайловскій объясняетъ такое увлеченіе Ницше Достоевскимъ, несмотря на полное различіе духовныхъ фазіономій того и другого, тѣмъ, что нѣмецкій философъ знакомъ былъ, повидимому, съ однимъ „Мертвымъ домомъ“ Достоевскаго,—иначе, „усмотрѣлъ бы въ его писаніяхъ совсѣмъ инныя стороны и инныя окончательныя выводы“ (Русск. Богат., 1894 г., № 11, стр. 116).

стоевскимъ въ его романахъ: „Преступленіе и наказаніе“ и „Братья Карамазовы“.

Въ первомъ романѣ, какъ извѣстно, выводится студентъ Раскольниковъ, который убилъ старуху-процентщицу, ограбилъ ее, но не воспользовался ограбленнымъ, скрывши и деньги и драгоценности подъ камень въ одномъ уединенномъ мѣстѣ. Онъ былъ очень бѣденъ и до болѣзненности тяготился тѣмъ, что ему приходится на свое содержаніе брать послѣдніе гроши у матери и сестры. Желаніе облегчить свое безвыходное положеніе и было непосредственнымъ побужденіемъ рѣшиться на страшное преступленіе. Но это было не все. Въ основѣ этого преступленія лежали болѣе глубокия, чисто психологическія причины.

Раскольниковъ—гордая натура. Изъ этой гордости у него рождается презрительный высокомерный взглядъ на людей, за которыми онъ почти готовъ отрицать право на человѣческое достоинство. Старуха процентщица для него просто вошь, а не человѣкъ, а остальные люди—„подлецы и разбойники уже по натурѣ своей: хуже того—идіоты“. Его гордая озлобленность, приближающая его нѣсколько къ демоническимъ натурамъ байроновскихъ героевъ, побуждаетъ его замыкаться въ себѣ, искать одиночества и, „подобно пауку“, забиваться въ ненавидимую имъ кануру. Нельзя утверждать, чтобы онъ вполне убѣжденно отрицалъ существованіе Бога, но вѣры въ Бога у него въ душѣ всетаки нѣтъ, и эту вѣру желаетъ ему впоследствии найти слѣдователь Порфирій ¹⁾.

Уже эти, указанныя нами, черты въ характерѣ Раскольникова напоминаютъ нѣсколько Ницшевскаго „сверхчеловѣка“. Если же мы послушаемъ, что онъ проповѣдуетъ, то намъ даже будетъ трудно отличить его рѣчи отъ того, что говоритъ Ницше. „Люди, говоритъ онъ, по закону природы, раздѣляются, вообще, на два разряда: на низшія (обыкновенныхъ), то есть, такъ сказать, на матеріаль, служащія единственно для зарожденія себѣ подобныхъ, и собственно на людей, то есть на имѣющихъ даръ или талантъ сказать въ средѣ своей новое слово. Подраздѣленія тутъ, разумѣется, безконечныя, но отличительныя черты обоихъ разрядовъ

¹⁾ Преступленіе и наказаніе, изд. Маркса, стр. 318, 456.

довольно рѣзкія: первый разрядъ т. е. матеріалъ, люди по натурѣ своей консервативные, чинные, живутъ въ послушаніи и любятъ быть послушными. По моему, они и обязаны быть послушными, потому что это ихъ назначеніе... Второй разрядъ, всё преступаютъ законъ, разрушители, или склонны къ тому, судя по способностямъ. Преступленія этихъ людей, разумѣется, относительны и многоразличны: большею частію они требуютъ разрушенія настоящаго во имя лучшаго. Но если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и черезъ трупъ, черезъ кровь, то онъ внутри себя, по совѣсти, можетъ дать себѣ разрѣшеніе перешагнуть черезъ кровь.... Первый разрядъ всегда—господинъ настоящаго, второй разрядъ—господинъ будущаго. Первые сохраняютъ міръ и примножаютъ его численно; вторые двигаютъ міръ и ведутъ его къ цѣли“¹⁾.... Вслушавшись въ эту рѣчь, вы видите здѣсь почти буквальное изложеніе Ницшеанскихъ возрѣній на два разряда людей—господъ и рабовъ, съ особою для каждаго изъ нихъ моралью. Далѣе Раскольниковъ, подобно Ницше, усматривавшему въ толпѣ одинъ смыслъ—производить великихъ людей, развиваетъ свою мысль такъ: „Огромная масса людей, матеріалъ, для того только и существуетъ на свѣтѣ, чтобы, наконецъ, черезъ какое-то усиліе, какимъ-то таинственнымъ до сихъ поръ процессомъ, посредствомъ какого-нибудь перекрещиванія родовъ и породъ, понатужиться и породить; наконецъ, на свѣтѣ, ну, хоть изъ тысячи одного, хоть сколько-нибудь самостоятельнаго чело-вѣка“²⁾.... Идеаломъ такого „самостоятельнаго“ чело-вѣка служить для Раскольникова, по знаменательному совпадению, тотъ же герой, силой и могуществомъ котораго такъ восхищался Ницше. „Настоящій властелинъ, кому все разрѣшается, громитъ Тулонъ, дѣлаетъ рѣзню въ Парижѣ, забываетъ армию въ Египтѣ, тратитъ полмилліона людей въ московскомъ походѣ и отдѣльвается каламбуромъ въ Вильнѣ; и ему же, по смерти, ставятъ кумиры,—а стало быть, и все разрѣшается“³⁾. Раскольниковъ, подобно Ницше, ничуть не смущается тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ восхваляетъ

1) Тамъ же, стр. 257.

2) Тамъ же, стр. 259.

3) Тамъ же, стр. 271.

преступленіе. „Законодатели и установители челоѣчества, начиная съ древнѣйшихъ, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и такъ далѣе, всѣ давая новый законъ, тѣмъ самымъ нарушали древніи, святочтимый обществомъ и отъ отцовъ перешедшій, и ужъ, конечно, не останавливались и передъ кровью, если только кровь могла имъ помочь. Замѣчательно даже, что бѣольшая часть этихъ благодѣтелей и установителей челоѣчества были особенно страшные кровопроливцы. Однимъ словомъ, я вывожу, что и всѣ, не то что великіе, но и чуть-чуть изъ колеи выходящіе люди... должны по природѣ своей быть непременно преступниками“ ¹⁾. Преступленія эти, по мысли Раскольникова, необходимы въ интересахъ челоѣческаго блага, осуществленіе котораго позволяетъ „устранить“ съ дороги тѣ или иныя препятствія ²⁾. Правда, есть „долгъ, совѣсть“, запрещающіе намъ дѣлать преступное, но вѣдь „какъ еще ихъ понимать“, да нужно и „природу-то поправлять и исправлять“,—иначе, „пришлось-бы потонуть въ предрасудкахъ“ ³⁾.

Усвоивши себѣ эту теорію, Раскольниковъ поспѣшилъ примѣнить ее къ себѣ. „Я знаю, говорилъ онъ, что кто крѣпокъ и силенъ умомъ и духомъ, тотъ надъ ними и властелинъ! Кто много посмѣетъ, тотъ у нихъ и правъ. Кто на бѣольшее можетъ плюнуть, тотъ у нихъ и законодатель, а кто больше всѣхъ можетъ посмѣть, тотъ и всѣхъ правѣ! Такъ доселѣ велось и такъ всегда будетъ!“... Соня Мармеладова поняла, что этотъ мрачный катехизисъ сталъ его вѣрой и закономъ. „Я догадался тогда, продолжалъ Раскольниковъ, что власть дается только тому, кто посмѣетъ наклониться и взять ее. Тутъ одно только, одно: стоить только посмѣть!... Мнѣ вдругъ ясно, какъ солнце, представилось, что какъ же это ни единый до сихъ поръ не посмѣлъ и не смѣетъ, проходя мимо всей этой нелѣпости, взять просто-за-просто все за хвостъ и стряхнуть къ черту! Я... захотѣлъ (тогда) осмѣлится!“ ⁴⁾...

1) Тамъ же, стр. 256.

2) Тамъ же.

3) Тамъ же, стр. 67.

4) Тамъ же, стр. 416.

И, дѣйствительно, „осмѣлился“, пошелъ и пристукнулъ старуху, находясь въ полной увѣренности, что онъ самъ себѣ господинъ и „стало быть, ему все разрѣшается“ ¹⁾. „Я хотѣлъ Наполеономъ сдѣлаться, оттого и убилъ“ ²⁾, говорилъ онъ потомъ.

Но тутъ случилось съ Раскольниковымъ то, чего онъ никакъ не ожидалъ: наперекоръ ясной и отчетливой логикѣ, наперекоръ неоспоримымъ доводамъ разума, въ немъ просыпается совѣсть, лютымъ звѣремъ накидывается на его душу, гложетъ и терзаетъ ее, доводитъ несчастнаго до галлюцинацій,—до страшныхъ видѣній наяву, отъ которыхъ у него поднимаются волосы дыбомъ ³⁾. Съ этого времени, какъ справедливо замѣтила Соня, онъ сдѣлался несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ ⁴⁾. Но несчастіе его состояло не въ томъ, будто онъ началъ раскаяваться въ своемъ поступкѣ, а въ томъ, что хотя онъ и „осмѣлился“, а „страхнуть все къ черту“ оказался не въ состояніи. Онъ только послѣ совершеннаго убійства началъ понимать, что если его теорія грандіозна, то самъ онъ представляетъ обыкновеннѣйшаго изъ людей, которому положительно смѣшно равняться съ Наполеономъ. Доводами разсудка онъ думалъ убить требованія сердца, но послѣднія не только не оказались убитыми, но даже восторжествовали надъ первыми: въ защиту ихъ выступила сама природа человѣка, которая не терпитъ никакого насилія надъ собой и жестоко мститъ за дерзкое посягательство на отрицаніе своихъ нравственныхъ требованій. Но Раскольниковъ пока не хочетъ сдаваться. „Прочь миражи, произносить онъ рѣшительно и торжественно, прочь напускные страхи, прочь привидѣнія!.. Есть жизнь!.. Не умерла еще моя жизнь вмѣстѣ со старою старухой! Царство ей небесное и,—довольно, матушка, пора на покой! Царство разсудка и свѣта теперь! И... и воли, и силы... и посмотримъ теперь! Помѣряемся теперь! ⁵⁾... И, дѣйствительно, онъ мѣряется, не хочетъ признать себя побѣжденнымъ, и изму-

¹⁾ Тамъ же, стр. 271.

²⁾ Тамъ же, стр. 413.

³⁾ Критическій комментарий къ сочиненіямъ Ф. М. Достоевскаго, ч. I. Зелинскій, стр. 163.

⁴⁾ Преступл. и наказ., стр. 410.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 187.

ченый, дошедший до крайняго предѣла нервнаго напряженія, еще продолжаетъ вѣрить въ свою идею; онъ все еще опьяненъ ея величіемъ и красотой. „И не деньги, главное, нужны мнѣ были, Соня, исповѣдуются онъ ей... Мнѣ другое надо было узнать, другое толкало меня подъ руки; мнѣ надо было узнать тогда, и поскорѣй узнать, вошь ли я, какъ всѣ, или человѣкъ? Смогу ли я переступить или не смогу? Осмѣлюсь ли я нагнуться и взять или ѣсть? Тварь ли я дрожащая, или „право“ имѣю“¹⁾... Соня, которой онъ разсказалъ о своемъ преступленіи и старался выяснитъ ей смыслъ своей теоріи, никакъ не могла понять ее и въ ужасѣ воскликнула: „Убивать? Убивать-то право имѣете“?—„Э—эхъ, Соня! вскрикнулъ Раскольниковъ: я хотѣлъ тебѣ только одно доказать, что чортъ-то меня тогда моталилъ, а ужъ послѣ того мнѣ объяснилъ, что не имѣлъ я права туда ходить, потому что я такая же точно вошь, какъ и всѣ. Насмѣялся онъ надо мной, вотъ я къ тебѣ и пришелъ теперь! Принимай гостя!“...—И убили, убили! стонетъ Соня.—„Да вѣдь какъ убилъ-то? Развѣ такъ убиваютъ?... Развѣ я старушонку убилъ? Я себя убилъ, а не старушонку! Тутъ такъ таки разомъ и ухлопалъ себя, навѣки!... А старушонку эту чортъ убилъ, а не я“²⁾... Когда же она ему на вопросъ, что дѣлать, велитъ „страданіе принять и искупить себя имъ“, то онъ отвѣчаетъ: „Нѣтъ! Не пойду я къ нимъ, Соня.“—„А жить то, жить-то какъ будешь! Жить-то съ чѣмъ будешь“? восклицала Соня....—„А можетъ я на себя еще наклепалъ, мрачно промолвилъ Раскольниковъ, можетъ я еще человѣкъ, а не вошь, и поторопился себя осудить. Я еще поборюсь“³⁾! И борется, до послѣдней степени борется, но, наконецъ, не выдерживаетъ. „Онъ вдругъ вспомнилъ слова Сони: „поди на перекрестокъ, поклонись народу; поцѣлуй землю, потому что ты и передъ нею согрѣшилъ, и скажи всему міру вслухъ: „я убійца“! Онъ весь задрожалъ, припомнивъ это. И до того ужъ задавила его безвыходная тоска и тревога всего этого времени, что онъ такъ и ринулся въ возможность этого цѣльнаго, новаго, полнаго ощущенія..

1) Преступленіе и наказ., стр. 417.

2) Тамъ же, стр. 418.

3) Тамъ же, стр. 419.

Все разомъ въ немъ размягчилось, и хлынули слезы. Какъ стояль, такъ и упаль онъ на землю“ 1)...

Извѣстенъ финаль всей этой трагической исторіи. Раскольниковъ идетъ на каторгу искупать свое преступленіе страданіями, и Соня сопутствуетъ ему. Но и тамъ онъ еще долго не можетъ примириться съ тѣмъ, что онъ далъ „промахъ“, что „онъ погибъ такъ слѣпо, безнадежно, глухо и глупо, и долженъ смириться предъ „безсмыслицей“ какого-то приговора“ 2). „Онъ не раскаивался въ своемъ преступленіи“ 3). „Ну, тѣмъ мой поступокъ кажется имъ такъ безобразень?“ говорилъ онъ себѣ.—„Тѣмъ, что онъ—злодѣяніе? Что значить слово злодѣяніе? Совѣсть моя спокойна. Конечно, сдѣлано уголовное преступленіе; конечно, нарушена буква закона и пролита кровь, ну, и возьмите за букву закона мою голову... и довольно. Конечно, въ такомъ случаѣ, даже многіе благодѣтели челоѣчества, не наслѣдовавшіе власти, а сами ее захватившіе, должны бы были быть казнены при самыхъ первыхъ своихъ шагахъ. Но тѣ люди вынесли свои шаги, и потому они правы, а я не вынесъ, и стало быть, я не имѣлъ права разрѣшить себѣ этотъ шагъ“ 4).

Но постепенно его сердце смягчалось, подготавливая возможность духовнаго обновленія. Онъ началъ понимать слова, сказанныя ему нѣкогда Порфиріемъ: „Страданіе—великая вещь“ 5). Въ горнилѣ этого послѣдняго растопилась гордыня Раскольникова, и зародилось въ душѣ его зерно новой, обновленной жизни. Наступившая въ его душѣ гармонія внесла миръ въ его озлобленное сердце, обрѣтшее вѣру въ жизнь и вѣру въ Бога, въ существованіи Котораго онъ ранѣ сомнѣвался.

Въ другомъ, еще болѣе замѣчательномъ романѣ: „Братья Карамазовы“, Достоевскій также развиваетъ Ницшеанскія идеи, влагая ихъ въ уста одного изъ самыхъ, наиболѣе глубоко задуманныхъ имъ, типовъ—Ивана Карамазова.

Иванъ Карамазовъ, одинъ изъ трехъ сыновей Федора Пав-

1) Преступл. и наказ., стр. 523.

2) Тамъ же, стр. 539.

3) Тамъ же, стр. 539.

4) Тамъ же, стр. 540.

5) Преступл. и наказ., стр. 458.

ловича Карамазова, представляет собой прямого преемника Раскольникова. Онъ, подобно послѣднему, такой же гордый, замкнутый въ себѣ человѣкъ. Онъ ненавидитъ отца, презрительно и высокомерно относится къ окружающимъ, хотя это по сдержанности своей натуры и скрываетъ. „Я никогда не могъ понять, говорилъ онъ, какъ можно любить своихъ ближнихъ. Именно ближнихъ-то, по-моему, и невозможно любить, а развѣ лишь дальнихъ“¹⁾... Этими словами Иванъ до буквальной напоминаетъ Ницшевскаго Заратустру, который „совѣтовалъ бѣжать отъ ближнихъ и любить далекихъ, такъ какъ любовь къ далекимъ и будущимъ выше, чѣмъ любовь къ ближнему“²⁾... Такое отношеніе къ людямъ у Ивана создано на томъ убѣжденіи, что любить человѣка невозможно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ есть, т. е. человѣка-звѣря, вмѣстѣ съ самой беспощадной жестокости, сопутствующей безобразнѣйшими пороками³⁾. Но главное, что составляло характерную особенность Ивана, было то, что онъ былъ отрицатель. Онъ ни во что не вѣритъ, для него нѣтъ ничего святаго. Но онъ не хочетъ и не можетъ успокоиться въ своемъ отрицаніи: онъ страстно ищетъ разрѣшенія мучающихъ его вопросовъ, ищетъ выхода изъ своего тягостнаго положенія и не находитъ, продолжая оставаться отрицателемъ, хотя и усумнившимся въ своемъ отрицаніи. У него, пожалуй, еще болѣе „опустошена“ душа, чѣмъ у Раскольникова, но въ общемъ направленіе ихъ мыслей одинаковое. Различіе между ними развѣ то, что Карамазовъ идетъ еще дальше по пути своей разрушительной теории до отрицанія Бога включительно.

Мысль его очень часто вращается около вопроса о существованіи Бога и не даетъ ему совершенно покоя: мятущійся духъ Ивана ищетъ окончательнаго и опредѣленнаго рѣшенія вопроса, есть Богъ или нѣтъ, и въ концѣ концовъ не можетъ придти ни къ какому окончательному выводу. Но разрѣшить этотъ вопросъ для него до мучительности важно, такъ какъ съ этимъ вопросомъ, а также съ вопросомъ о существованіи безсмертія, у него соединяются этиче-

1) Братья Карамазовы, ч. I, стр. 280.

2) Такъ говоритъ Заратустра, стр. 61.

3) Братья Карамазовы, стр. 282, 286.

скія вопросы, и трагедія его души состоитъ именно въ томъ, что онъ, будучи человѣкомъ высоко-нравственнымъ, сомнѣвается въ томъ, обязательна ли нравственность для человѣка, если нѣтъ Бога и безсмертія.

Онъ не разъ говорилъ, „что на всей землѣ нѣтъ рѣшительно ничего такого, что заставляло бы людей любить себя подобныхъ, что такого закона природы, чтобы человѣкъ любилъ человѣчество—не существуетъ вовсе, и что если есть и была до сихъ поръ любовь на землѣ, то не отъ закона естественнаго, а единственно потому, что люди вѣровали въ свое безсмертіе... Уничтожьте въ человѣчествѣ эту вѣру, въ немъ тотчасъ же изсякнетъ не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать міровую жизнь. Мало того: тогда уже ничего не будетъ безнравственнаго, все будетъ позволено, даже антропофагія. Но и этого мало: тогда нравственный законъ природы долженъ немедленно измѣниться въ полную противоположность прежнему религіозному, и эгоизмъ даже до злодѣйства не только долженъ быть дозволенъ человѣку, но даже признанъ необходимымъ, самымъ разумнымъ и чуть ли не благороднѣйшимъ исходомъ въ его положеніи“ ¹⁾. Въ этихъ словахъ Ивана Карамазова мы слышимъ то же самое, что проповѣдывалъ и Ницше, признавая эгоизмъ самой лучшей силой человѣка и узаконяя принципъ: все невѣрно, все позволительно.

Эти же мысли повторяетъ Иванъ и позднѣе, когда послѣ убійства его отца Смердяковымъ онъ заболѣваетъ нервнымъ расстройствомъ и начинаетъ даже галлюцинировать; въ состояніи мучительнаго кошмара, налегшаго на него тяжестью именно тѣхъ идей, которыя, какъ камень, носилъ онъ въ душѣ, онъ начинаетъ теперь высказывать ихъ, воображая себя разговаривающимъ съ чортомъ. „По моему, говорить въ бреду Иванъ, и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить въ человѣчествѣ идею о Богѣ... Разъ человѣчество отречется поголовно отъ Бога (а я вѣрю, что этотъ періодъ совершится), то само собою падетъ все прежнее міровоззрѣніе и, главное, вся прежняя нравственность, и наступитъ все новое.... Человѣкъ возвеличится духомъ божеской, титанической гордости и явится человѣкъ-богъ....

¹⁾ Братья Карамазовы, ч. I, стр. 83—84.

Но такъ-какъ, въ виду закоренѣлой глупости человѣческой, это, пожалуй, еще и въ тысячу лѣтъ не устроится, то всякому, сознающему уже и теперь истину, позволительно устроиться совершенно какъ ему угодно, на новыхъ началахъ. Въ этомъ смыслѣ ему „все позволено“. Мало того: если даже періодъ этотъ и никогда не наступитъ, то такъ-какъ Бога и безсмертія всетаки нѣтъ, то новому человѣку позволительно стать человѣко-богомъ, даже хотя бы одному въ цѣломъ мірѣ, и, ужъ конечно, въ новомъ чинѣ, съ легкимъ сердцемъ перескочить всякую прежнюю нравственную преграду прежняго раба-человѣка, если это понадобится. Для Бога не существуетъ закона! Гдѣ станетъ Богъ—тамъ уже мѣсто Божіе. Гдѣ стану я, тамъ сейчасъ же будетъ первое мѣсто.... „все дозволено“ и шабашъ“ ¹⁾! Здѣсь Карамазовъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ въ построении своей теоріи, выводя на сцену „человѣка-бога“, родного брата Ницшевскаго „сверхчеловѣка“, и ставя его, подобно Ницше, выше всякихъ нравственныхъ требованій. Этотъ „человѣкобогъ“ мерещится Ивану Карамазову, какъ отдаленный идеаль, мѣсто котораго будетъ тогда, когда человѣчество, отринувъ всѣ современные нравственные, религіозные и социальныя устои, поднимется до небывалой высоты и утвердитъ царство новой автономной жизни, новаго счастья, когда въ жизни будутъ воплощены радостныя принципы свободы, равенства и братства. Здѣсь, такимъ образомъ, Иванъ затрогиваетъ мучительный вопросъ о характерѣ всемірно-историческаго развитія человѣчества, его задачахъ и направленіи; но, ставя разрѣшеніе этой проблемы въ чудной легендѣ о великомъ инквизиторѣ, Иванъ устами этого послѣдняго, выразителя своихъ собственныхъ думъ, приходитъ къ невольному заключенію, что человѣчество не способно „вмѣстить въ себя начала новой, свободной, автономной нравственной жизни“ ²⁾, такъ какъ оно не выноситъ свободы, ищетъ порабощенія и своего поработителя, „предъ кѣмъ оно могло бы преклониться“ ³⁾. По мысли инквизитора, люди по своей природѣ

¹⁾ Братья Карамазовы, ч. II, стр. 768—769.

²⁾ Вопросы философіи и психологіи, 1902 г., янв.—февр. С. Булгаковъ. Иванъ Карамазовъ, какъ философскій типъ, стр. 850.

³⁾ Бр. Карамазовы, ч. I, стр. 301.

рабы, невольники, и имъ совершенно чужда христіанская идея равенства, одинаковаго достоинства всѣхъ людей, какъ нравственныхъ личностей. Напротивъ, люди, по его мнѣнію, рѣзко раздѣляются на двѣ половины, „на двѣ различныхъ породы, между которыми открывается незасыпаемая пропасть“¹⁾; дѣлясь же на двѣ группы—поработителей и поработаемыхъ, люди устанавливають для себя и двѣ разныхъ морали—господскую и рабскую, причемъ первая своимъ основнымъ принципомъ ставить насиліе²⁾. Какъ видимъ, здѣсь высказываются такіе взгляды, которые почти до буквальнойности напоминаютъ Ницше.

Опроверженіе жестокой теоріи инквизитора и указаніе того пути, который можетъ привести къ выходу изъ полныхъ отчаянія воззрѣній его, даетъ Христось, Который во все время продолженія рѣчи инквизитора молчитъ и только, когда старикъ умолкаетъ, „Онъ вдругъ молча приближается къ старику и тихо цѣлуетъ его въ его безкровныя девяностолѣтнія уста. Вотъ и весь отвѣтъ“³⁾, но чего-либо болѣе высокаго и разительнаго не могъ дать Христось, такъ-какъ сила любви, запечатлѣнная Имъ въ поцѣлуѣ, представляетъ единственную форму разрѣшенія поставленнаго вопроса. Инквизиторъ въ идеаль возводитъ насиліе, а Христось указываетъ, что идеаломъ должно быть противоположное чувство любви, милосердія, всепрощенія, этической равноцѣнности всѣхъ людей передъ Богомъ.

Здѣсь мы подошли къ основному нравственному воззрѣнію Достоевскаго, моральные выводы котораго въ концѣ концовъ могутъ служить достаточнымъ матеріаломъ для оцѣнки основныхъ принциповъ Ницшеанскихъ воззрѣній.

Ницше, какъ можно судить на основаніи изложенныхъ его взглядовъ, слишкомъ высоко ставилъ силы человѣка, считая даже возможнымъ замѣнить вѣру въ Бога вѣрой въ своего „сверхчеловѣка“; при этомъ онъ выдвигалъ на первый планъ принципъ красоты, какъ начало, вполнѣ достаточное, чтобы замѣнить человѣку религію, причемъ понималъ эту красоту грубо и односторонне—въ проявленіяхъ эгоизма, гордости и властолюбія.

1) С. Булгаковъ, стр. 853.

2) Тамъ же, стр. 853.

3) Бр. Карамазовы, ч. I, стр. 312.

Достоевскій также высоко цѣнилъ въ человѣкѣ красоту, но только духовную, христіански-нравственную; за красотой онъ признавалъ великую моральную силу, но если только она создается на почвѣ гармоническаго развитія всѣхъ духовныхъ силъ человѣка — ума, сердца и воли. Основа же этого развитія—христіанская любовь, считающая всѣхъ людей братьями и направляющая къ источнику любви—Богу. Но если духовное развитіе человѣка уклоняется отъ этой основы, то вмѣсто любви появляется сатанинская гордость и грубый, жестокій эгоизмъ, приводящій человѣка къ личному самообожанію, а это послѣднее уже не оставляетъ мѣста вѣрѣ въ Бога, такъ-какъ вмѣсто Бога человѣкъ ставитъ себя самого. Создается, такимъ образомъ, Ницшевскій и Карамазовскій „бунтъ“ противъ Бога ¹⁾, толкающій человѣка въ темный лабиринтъ сомнѣній и обрекающій его на муки больной совѣсти. Но вотъ возвращается къ человѣку любовь, вступаетъ въ свои права, и гордости сатанинской наступаетъ конецъ: душа человѣка смиряется и снова находитъ Бога и душевную гармонию.

Этотъ путь возрожденія человѣка силою христіанской любви былъ любимѣйшей темой Достоевскаго, „этого величайшаго реалиста, измѣрившаго бездны человѣческаго страданія, безумія и порока, и вмѣстѣ съ тѣмъ величайшаго поэта евангельской любви“ ²⁾.

Въ христіанской любви Достоевскій видѣлъ неизмѣримую по своему объему силу, которой „все покупается, все спасается. Она такое безцѣнное сокровище, что на нее весь міръ купить можно“ ³⁾, говорилъ старецъ Зосима пришедшей покаяться ему въ страшномъ грѣхѣ крестьянкѣ. И это не слова только, такъ-какъ Достоевскій на примѣрахъ показываетъ, какъ любовь, „подобно физической теплотѣ или притяженію, проникаетъ во всѣ области жизни, не зная себѣ ни въ чемъ конечнаго препятствія. Медленно, но упорно пробиваетъ она ледяную кору сердець и преобразуетъ внутреннюю природу ближнихъ просто своею собственною силою, даже безъ видимыхъ обнаруженій, создавая на днѣ ихъ

¹⁾ Бр. Карамазовы, ч. I, стр. 291.

²⁾ Зелняскій. Крит. коммент. къ соч. Достоевск., ч. II, стр. 196.

³⁾ Бр. Карамазовы, ч. I, стр. 62—63.

душъ бессознательныя добрыя расположенія. Бьется и отвертывается отъ нея злая воля людей, думаетъ грѣшникъ, что онъ вовсе свободенъ отъ всякаго вліянія, какъ вдругъ принужденный обстоятельствами жизни взглянуть въ свой внутренній міръ, онъ находитъ въ себѣ уже другую природу, какъ бы вмѣщающую нравственные облики душъ, его любившихъ, за него страдавшихъ, о немъ молившихся.... Такой именно, почти невольный, духовный слѣдъ оставлялъ на всѣхъ любимѣйшій герой Достоевскаго Алеша Карамазовъ“¹⁾... Тою же любовію вся свѣтилась и всѣхъ согрѣвала ея теплотою и Соня Мармеладова.

Какія же свойства этой любви?

Первое ея свойство—смиреніе. Извѣстенъ афоризмъ Достоевскаго: „Смирись, гордый человѣкъ!“ Въ этомъ краткомъ выраженіи Достоевскій высказалъ основное зерно своей нравственной философіи, требующей отъ человѣка прежде всего смиренія, этого постоянного спутника христіанской любви, отрицанія гордости. „Станешь иногда, поучалъ старецъ Зосима, въ недоумѣніи, особенно видя грѣхъ людей, и спросишь себя: „взять ли силой или смиренной любовью“. Всегда рѣшай: „возьму смиренною любовью“. Рѣшишься такъ разъ навсегда, и весь міръ покорить можешь. Смиреніе любовное—страшная сила, изъ всѣхъ сильнѣйшая, подобной которой и нѣтъ ничего“²⁾. Но, кромѣ смиренія, христіанская любовь носитъ въ себѣ элементъ состраданія. Ницше со всей силой своего краснорѣчія вооружается противъ этого чувства, считая его совершенно бесполезнымъ и иногда даже вреднымъ³⁾, но еслибы онъ поласковѣе смотрѣлъ на жизнь, то лучше бы понималъ и выше цѣнилъ это чувство. „Состраданіе есть способность внутренняго самоотожествленія съ человѣкомъ, радостное сліяніе со всѣмъ въ немъ добрымъ и скорбь обо всемъ зломъ“⁴⁾. Вотъ эта способность духовнаго перевоплощенія въ другое существо и является неизмѣнной спутницей смиренной любви, прек-

¹⁾ Пастырское изученіе людей и жизни по сочиненіямъ Ф. М. Достоевскаго. С. С. Б. (Еп. Антоній), стр. 26.

²⁾ Бр. Карамазовы, ч. I, стр. 379—380.

³⁾ Вопр. фил. и псих., 1892 г. кн. 15, стр. 127 и дал. В. Преображенскій. Ф. Ницше.

⁴⁾ Пастырск. изуч... Еп. Антоній, стр. 30.

распѣвшимъ образомъ которой служить въ романѣ Достоевскаго старецъ Зосима, учившій всѣхъ и все любить. Въ романѣ есть захватывающій по своей силѣ моментъ, когда праведный старецъ вдругъ палъ въ ноги безпутному Дмитрію Карамазову. „Я вчера великому будущему страданію его поклонился“ ¹⁾, пояснилъ онъ потомъ недоумѣвающему относительно такого поступка старца Алешѣ. Или вспомнимъ, какъ Раскольниковъ, всей душой почувствовавъ безысходное горѣ Сони Мармеладовой, припалъ къ полу и поцѣловалъ ея ногу. „Соня въ ужасѣ отъ него отшатнулась....— Что вы, что вы это? Передо мной! пробормотала она, поблѣднѣвъ.— Я не тебѣ поклонился, я всему страданію человѣческому поклонился, какъ-то дико произнесъ онъ“ ²⁾..

Этой любви — смиренной и сострадающей былъ лишенъ Иванъ Карамазовъ, а также отчасти и Раскольниковъ. Отсутствие или недостатокъ ея „отъединилъ“ ихъ, по удачному выраженію Достоевскаго, отъ людей и отъ Бога и привелъ ихъ къ личному самообожанію, къ мечтамъ о „человѣкобогѣ“, которому „все позволено“. Но вотъ въ душѣ ихъ начинается „священное трепетаніе зачатковъ новой жизни“ ³⁾, согрѣваемой чувствомъ смиренной любви, и для нихъ открывается свѣтлый путь возрожденія, обновленія и успокоенія. „Богъ и правда Его одолѣвали сердце, все еще не хотѣвшее подчиниться“ ⁴⁾, говорилъ Алеша про брата Ивана. Но уже было видно, что противоборство Ивана, потерянного имъ Богу, но страстно ищущаго вѣры въ Него, приходило къ концу. Въ душѣ его идетъ крушеніе горделивыхъ мечтаній, растетъ страшный разладъ, котораго не выдерживаетъ его смятенный духъ, и онъ заболѣваетъ. Но въ этомъ смятеніи мятушагося духа обнаруживаются уже первые проблески новаго настроенія, чуждаго прежней гордости и высокомерія. „Не такимъ орламъ воспарять надъ землей“, сознается онъ про себя ⁵⁾, и этимъ признаетъ свое безсиліе устоять на фантастической высотѣ своихъ теоретическихъ построеній. А отсюда уже одинъ шагъ до того

¹⁾ Бр. Карамазовы, ч. I, стр. 338.

²⁾ Преступленіе и наказаніе, стр. 318.

³⁾ Пастырск. изуч. Е. Антоной, стр. 8.

⁴⁾ Бр. Карамазовы, ч. II, стр. 776.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 775.

смирения, къ которому пришелъ въ концѣ концовъ Раскольниковъ. Мы видѣли, что зародившая въ горнилѣ претерпѣнныхъ страданій сила любви убила гордыню послѣдняго, примирила его съ самимъ собой, уяснила ему его самого, показавъ, какъ слабъ человѣкъ самъ по себѣ, и какъ химеричны всѣ его мечтанія, если они не окрашены чувствомъ смиреннаго сознанія своей грѣховности предъ Богомъ, слабосилія и ничтожества безъ Бога. Къ тому же долженъ неминуемо придти и Иванъ Карамазовъ, мятущійся духъ котораго, истерзаный и измученный страданіями безбожія долженъ, наконецъ, найти успокоеніе и ни въ чемъ другомъ, какъ именно въ вѣрѣ въ того Бога, Котораго онъ ранѣе такъ дерзко отрицалъ. Заглушая въ душѣ святое чувство смиренной любви, какъ Раскольниковъ, такъ и въ особенности Карамазовъ, вслѣдствіе этого не могутъ въ себѣ питать и мысли о Богѣ, источникѣ этой любви. Но зарожденіе и пробужденіе въ ихъ душѣ этого чувства должно разбудить въ ней и дремлющее чувство любви и стремленія къ Богу. „Двумя путями душа наша приходитъ къ Богу; одинъ изъ нихъ—путь души, несущейся на крылахъ помысловъ, другой—путь души, несущейся на крылахъ любви. Первый даетъ чаще всего только отвлеченную философію бытія Бога, второй—болѣе глубокое сознаніе этого бытія, чувство, близкое къ яркому впечатлѣнію, неотразимому и неотъемлемому отъ испытавшей его души, что есть Богъ“¹⁾. Тогда для человѣка прекращаются всякія колебанія и сомнѣнія въ Его бытіи, ибо такой человѣкъ, въ душѣ своей нося Бога и дѣлаясь такимъ образомъ, по образному выраженію Достоевскаго, „богоносцемъ“, интуитивно сознаетъ Его бытіе, въ общеніи съ Которымъ пребываетъ его душа. Это и случилось съ Раскольниковымъ. Когда въ душѣ его засіяла заря новой, обновленной жизни, то первая книга, которую онъ попросилъ у Сони, было Евангеліе. Къ тому же долженъ придти, повторяемъ, и Иванъ Карамазовъ.

Возвращаясь къ вопросу о Ницше и его основныхъ воззрѣніяхъ, мы, на основаніи нами сейчасъ сказаннаго, можемъ провести близкую параллель между Иваномъ Карама-

¹⁾ Герасимовъ. Ницшеанство, стр. 162.

зовымъ и Ницше. Душевная трагедія того и другого въ сущности одинакова. Оба они, какъ Ницше, такъ и Иванъ Карамазовъ, проповѣдывали теорію аморализма, вытекающую изъ отрицанія Бога. Мы видѣли, что Ивана Карамазова обу-рѣвала гордость, приведшая его къ потерѣ Бога и къ фантастическимъ мечтаніямъ о какомъ-то „человѣкобогѣ“. Такая же гордость была, несомнѣнно, отличительной чертой и Ницше,—по крайней мѣрѣ, объ этомъ можно судить на основаніи его же собственныхъ словъ: „Бога нѣтъ, ибо если бы Онъ былъ, то какъ же я вынесъ бы, что не я богъ“¹⁾. Эта сумасшедше-гордая фраза Ницше, какъ бы мы ее ни толковали, съ несомнѣнностью свидѣтельствуемъ объ одномъ, что въ жизни нѣмецкаго философа бывали такіе моменты, когда его фантастическая гордость не хотѣла знать, казалось, никакихъ предѣловъ. Питая же въ душѣ такую, подчасъ чудовищную, гордость, Ницше естественно шелъ противъ Христа, проповѣдывавшаго самоотверженную любовь, смиреніе, всепрощеніе и братство людей. Но, называя себя антихристомъ и утверждая, что „христіанская этика ложна и гибельна“²⁾, онъ не могъ не мучиться въ нѣкоторыя минуты просвѣтленія своимъ противоборствомъ тому, что составляетъ лучшее и высшее утѣшеніе человѣчества, и такимъ образомъ оказывался иногда „антихристомъ, плачущимъ по идеаламъ христіанства“³⁾: въ то же время онъ не могъ, какъ мы видѣли выше, не мучиться сокровеннѣйшими и наиболѣе глубокими страданіями безбожія, идя одинокой „въ безбожныя пустыни, съ разбитымъ сердцемъ“⁴⁾. „Умерь этотъ Богъ!“⁵⁾ восклицалъ Ницше, и не столько дерзость, сколько горе слышится въ этихъ словахъ. Мы говорили уже, какъ онъ тосковалъ по потерянномъ Богѣ, какъ страстно стремился иногда къ отысканію Его, но не могъ воскресить Его въ своей душѣ и, въ концѣ концовъ, сумасшествіемъ и преждевременной смертью заплатилъ за свое дерзновенное противоборство тому, безъ чего не можетъ жить человѣкъ. Нося въ душѣ ядъ неслыханнаго отрицанія, онъ питалъ въ

1) Гарле, стр. 714, 726.

2) Тамъ же, стр. 726.

3) Странникъ, 1902 г. янв., стр. 152.

4) Герасимовъ, стр. 60.

5) Тамъ же, стр. 140.

себѣ и глетворный ядъ разложенія и смерти, что не могло не привести въ результатѣ къ роковому и печальному концу, такъ-какъ онъ самъ себѣ подписалъ смертный приговоръ.

Причина, почему Ницше не отыскалъ Бога, ясна—онъ въ своей душѣ не носилъ тѣхъ задатковъ, которые очищаютъ путь къ Богу. Не прошло бы время, и вполне возможно, что снисшедшее въ его душу чувство смиренной любви убило бы царящую въ ней чудовищную гордость, а скорбь безъ Бога и жажды Его побѣдили бы то дерзкое самообожаніе, до котораго онъ дошелъ; въ то же время онъ нашелъ бы, наконецъ, и Бога и, найдя Его, сжегъ бы всѣ свои новые кумиры и возвратился бы къ тѣмъ, надъ которыми онъ такъ грубо и часто безстыдно надругался ¹⁾.

Н. Д. Тихомировъ.

¹⁾ Кромѣ указанныхъ нами въ примѣчаніяхъ источниковъ и пособій, которыми мы пользовались при составленіи нашего реферата, мы имѣли подъ руками еще слѣдующія сочиненія: 1) Ницше. Человѣческое, слишкомъ человѣческое, 2) Сверхчеловѣкъ Ницше и человѣкъ Христа. С. Левитскаго (Богосл. Вѣстн. 1901 г., июль—сент.), 3) Современные моралисты: Л. Толстой и Ф. Ницше. Свѣтозарова (Вѣра и Церковь, 1901 г. кн. 6-я), 4) Научное Обзоріе. Великій декадентъ. Ницше и его письма. О сверхчеловѣкѣ. М. Филиппона (1901 г. мартъ, № 3), 5) Православно-русское Слово, 1902 г. янв., 6) Образованіе, 1901 г. ноябрь. Мережковский о Толстомъ и Достоевскомъ. И. Коробка, 8) Афоризмы Ницше.